

О. Д. Шемякина³

**ПРЕОДОЛЕНИЕ ЛОГИКИ КАТАСТРОФ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ УДЕРЖИВАНИЯ ВЛАСТИ
НА БОЛЬШИХ ТЕРРИТОРИЯХ, ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНЫЕ ИГРЫ ОБМЕНА,
ПРОНИЦАЕМОСТЬ ГРАНИЦ «СВОЕГО–ЧУЖОГО»
В ПРОЦЕССЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Территория Евразии является зоной сверхинтенсивных человеческих контактов — от масштабных геополитических, культурных, религиозных, экономических до локальных, происходящих на микротерриториях, охватывающих сферу повседневности. Понимание этих контекстов в категориях конфликтов — бинарных, тернарных или более сложных по составу участников — обостряет чувствительность к реальным противоречиям, происходившим или происходящим на континенте. Тиражирование подобной оптики информационными системами превращает отношения конфликта в факт массового сознания, достаточно вспомнить многократные апелляции к так называемой ловушке Фукидида.

Ловушка Фукидида — метафора масштабных конфликтов, которые притягивают особое внимание историков событийной истории. Она стягивает в одно смысловое поле конфликты древности и современности и является манифестом масштабной опасности, на-

³ Научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «Непрямое зрение: возможность увидеть смыслы истории в повседневности», «О видимом и невидимом в российском социокультурном пространстве. Российский опыт в универсальном контексте», «Противоречия российского модерн-проекта и традиционная культура. Историческое наследие и современный контекст», «Разрыв и преемственность в русской культурной традиции: опыт диалога», «О принципах описания границ традиционной культуры в модерн-эпоху», «Конфликт и стратегии интеграции в „связанной истории“ Евразии: проблема соотношения» и др.

ступающей, когда набирающая силу держава соперничает с державой, в руках которой в это время находится власть, как это делали Афины в V веке до н. э. и Германия в конце XIX века. Большинство таких ситуаций соперничества оканчивались войной⁴. Модельной ситуацией являлись описанные Фукидидом Пелопонесские войны между Афинами и Спартой. Конфликт проходил стадии страха, вызванного поразительным подъемом Афин, угрозы, конкуренции, конфронтации и войны, которая разрушила оба государства⁵. В ловушку попадали втянутые в конфликт стороны, и заканчивался он поражением втянутых в конфронтацию.

В настоящее время предметом горячих дискуссий является обсуждение вопроса о том, насколько вероятно этот сценарий будет реализован в отношениях США и Китая⁶. Интерес к этому виду конфликта продиктован масштабом взаимного разрушения, в котором логика соперничества порождает эскалацию столь масштабного насилия, что возникает угроза нарастания хаоса рисков для человеческого сообщества, превосходящего по размерам конфликт первоначально втянутых в него сторон.

Логика развертывания конфликта — и масштабного, и локального — обнажает безусловность негативных последствий его эскалации, а для сознания исследователя эти негативные проявления человеческой деятельности (как ни парадоксально) являются комфортными из-за нахождения в зоне определенности. Ориентация в линиях разделения и противостояния сторон, завершения и исчерпывания конфликта создает иллюзию формальной ясности, необремененную одновременным присутствием других, противоположных, тенденций.

Военные конфликты на территории Евразии с древнейших времен приводили к масштабному перекраи-

⁴ Allison G. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston ; N. Y. : Houghton Mifflin Harcourt, 2017.

⁵ Глянц М. Г., Росс Р. Дж. Один пояс и один путь. Долгий марш Китая в 2049 год. М. : Междунар. отношения, 2021. С. 252.

⁶ Там же.

ванию границ, усложняя полиэтничный состав новых территорий, увеличивая многообразие правовых традиций, создавали неизбежность сосуществования различных религиозных систем. Удерживание власти на больших территориях ставило задачу выстраивания последовательных мер по централизации власти — от строительства дорог и фортификационных сооружений до централизации управления.

Масштабы территориальной экспансии, многообразие человеческих миров, включенных в политику, были таковы, что управление этим многообразием, несмотря на стремление к централизации, неизбежно было обречено на поиск компромисса с рассыпающейся множественностью человеческих миров, необходимого для того, чтобы удержать власть. Как ни парадоксально, но частотность и длительность конфликтов порождали противоположную тенденцию — поиска стратегий интеграции или, иными словами, дискурса единения. А это означало поиск разнообразных форм компромисса: от системообразующих до локальных и казуальных.

Распространение власти на большие территории было результатом масштабной экспансии, в которой конфликт играл значимую роль, но освоение властью пространства предполагало как реализацию сложнейшей комбинаторики дискурсов насилия, так и признание властью значимости местных традиций (управленческих, правовых, религиозных и т. д.) на завоеванных территориях¹.

Обращение к имперскому опыту России, география власти которой распространялась на различные по времени вхождения регионы, отличающиеся по степени удаленности от имперского центра, уровню социально-экономического развития, разнообразные по этническому и конфессиональному составу², дает богатейший материал для изучения исторически апробированных практик удержания власти в условиях доминанты многообразия.

Установление внутреннего мира и межрегиональных связей было невозможно без усложнения политико-административного ландшафта власти, с сохранением (иногда трансплантацией уже апробированных на других окраинах) властных архаических институтов («инородческое», «военно-народное» управление) и моделей управленческого поведения³, с созданием квазиадминистративных институтов (частные компании, экспедиции), что предполагало высокую степень частной инициативы, лишь координируемой и направляемой государством⁴.

Обращение к историческим практикам достижения социального порядка в сложносоставных полициях может быть дополнено опытом взаимодействия социальных миров, возникающих в результате пересечения внешнего контура государства. Взаимодействие, которое являлось результатом не сознательного конструи-

рования стратегий управления территориями политий, а пронизывания территории Евразии трансконтинентальными торговыми путями, породившими институт номадизма и посредничества, невозможно без выработки многовековых традиций адаптации к меняющимся культурным средам, включенным в масштабные игры обмена.

Евразийский широтный коридор степей, пустынь и полупустынь, соединяющий страны Леванта и Китая, стал основой беспрецедентной в мировой истории ландшафтной оси, пронизывающей Восток и Запад и ставшей предпосылкой динамизации социальной жизни континента⁵.

Евразийский коридор стал зоной сверхинтенсивных контактов, динамизирующих контуры социальной жизни оседлого населения, включенного также в процессы обмена, взаимодействия разных религиозных традиций и влияния множества локальных принадлежностей. Оседлое население, постоянно испытывавшее давление как со стороны народов, ведущих кочевой образ жизни, так и со стороны особой категории людей, основным занятием которых было посредничество, и само было вынуждено постоянно меняться. Процесс идентификации носил текучий характер, находясь в процессе постоянного обновления и смены⁶. Переход с одной семиотической системы к другой был характерен и для взаимодействия языков, породивших особую культуру перевода, действующую вдоль торговых маршрутов⁷.

Конфликты на территории Евразии (как внутренние, так и внешние) невозможно рассматривать вне контекста этого широтного коридора, который подчинял социальность своей логике. Войны, масштабное перекраивание границ, строительство дорог представляли собой этатистский проект осваивания пространства, а перемещение людей, товаров и технологий подчинялось особой логике освоения, которая складывалась веками и была связана с использованием ресурсов территорий, через которые проходил этот коридор. Этот вид взаимодействия с пространством был трансграничен по отношению к отдельным политиям.

Проницаемость границ евразийского пространства на капиллярном уровне, уровне микротерриторий, индивидуальных коммуникаций порождало множество вкраплений или инклюзий первоначально чуждых культур друг в друга, насыщая культурные стереотипы противоречиями и проблематизируя логику противостояния. Британский и российский опыты освоения, колонизации территорий разительно отличались. А. В. Ремнев, ссылаясь на Ф. Ф. Вигеля, проехавшего в 1805 году через Сибирь в составе посольства графа Ю. А. Головкина в Китай, отмечал, что британская политика в американских колониях сослужила плохую

⁵ Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ / пер. с англ. М. Колопотина. М.: АСТ, 2010.

⁶ Абашиш С. А. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2007. С. 235–236.

⁷ От берегов Босфора до берегов Евфрата // Антология ближневосточной литературы I тысячелетия н. э. / пер., предисл. и коммент. С. С. Аверинцева. М.: МИРОС, 1994. С. 3–50; Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер / пер. с фр. под общ. ред. Е. Е. Дмитриевой; вступ. ст. Е. Е. Дмитриевой. М.: Новое лит. обозрение, 2018. С. 712–734.

¹ Шемакина О. Д. Конфликт и стратегии интеграции в «священной истории» Евразии: проблема соотношения // Преподаватель XXI век. 2022. № 3, ч. 2. С. 296–306.

² Ремнев А. В. Имперское пространство России в региональном измерении: дальневосточный вариант // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М.: Моск. общественный науч. фонд, 2001. С. 317.

³ Там же. С. 319.

⁴ Там же.

службу метрополии, и Англия не только утратила эти колонии, но и обрела в их лице опасных соперников¹.

Другое дело Россия, убеждал Ф. Ф. Вигель, которая смотрела на Сибирь, «как богатая барыня на дальнее поместье, случайно ей доставшееся, куда она никогда не заглядывала, управление коего совершенно вверено приказчикам <...> Поместье всегда исправно платит оброк золотом, серебром, железом, мехами: ей только и надобно <...> Такое дремотное состояние Сибири, как он считал, было только на пользу России, именно оно обеспечило то, что все осталось в руках государства, а не было разбазарено частными лицами. Поэтому Сибирь, „как медведь“, сидит у России на привязи»².

Британский колониальный проект предполагал не только сокращение дистанции, но и демонстрацию цивилизационного превосходства британцев над индийцами, которое сопровождалось оценочно нагруженными эмоциями негативного свойства — высокомерием, брезгливостью, надменностью и взрослой снисходительностью по отношению к местным как к неразумным детям³. Прочерчивая границы отчужденности между мирами, европейцы экспозиционировали неприязнь, нацеленную на отдаление своего сообщества от чужого «способами, заимствованными у этих чужаков: громко, по-английски неграмотно, медленно, несдержанно. Представляется, что усвоенные элементы восточной эмоциональности не давали европейской общине закапсулироваться и оказаться в полной изоляции. Напротив, индизированные способы экстерииоризации протягивали мостики, соединявшие оба сообщества, создавая каналы для установления чувственного, мимического, кинетического взаимопонимания между двумя мирами. В этой зоне контакта и сформировался гибридный эмоциональный англо-индийский стиль»⁴.

В результате преодоления отчуждения рождалась принадлежность к территории, которая выражалась понятиями «общность», «взаимозависимость» и «привязанность»⁵. Текст «Оды Бомбею» Р. Киплинга, родившегося в Бомбее, в переводе Е. Ваниной в поэтической форме отражает эту идею принадлежности к территории. И об этой стороне творчества английского поэта и писателя нужно помнить:

Благословляем мы город родной
И силу, что он дает.

Он клятва, которой мы верность храним
До самых последних дней.
Он стал моей славой, дыханьем моим,
Влюбленностью глупой моей,
Он связан со мною, я связан с ним,
И нет этих уз прочней.

И слава богу, что я рожден
Не где-то в туманной дали,
Среди враждебных племен,
Там, на краю земли,
Что полон достоинства он,
И мы им гордиться могли⁶.

Память об исторических практиках взаимодействия власти и далеких периферий империй, трансконтинентальные игры обменов, породившие перемещение людей, товаров, идей и технологий, рождение множественных, динамически подвижных идентичностей в процессе взаимодействия культур на уровне индивидуальных коммуникаций предохраняет от погружения в логику катастроф, обособлений и проведения внешних контуров, состоящих из красных линий. Если мир Евразии был, исключая периоды войн, так цветуще сложен прежде, так почему бы ему не быть таким и в будущем?

¹ Ремнев А. В. Указ. соч. С. 320–321.

² Там же. С. 321.

³ Сидорова С. Телесные рецепторы и внешние раздражители: сенсорный опыт британцев в Индии // Под небом Южной Азии. Стыд и гордость: введение в стандарты и практики эмоций / рук. проекта и отв. ред. И. П. Глушкова. М.: ИДВ РАН — Вост. лит., 2021. С. 326.

⁴ Там же.

⁵ Бочковская А. Территория и принадлежность в теоретическом дискурсе. Проблема толкования ключевых понятий // Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств / рук. проекта и отв. ред. И. П. Глушкова; отв. ред. А. В. Бочковская. М.: Наука — Вост. лит. С. 51.

⁶ Киплинг Р. Ода Бомбею // Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность... С. 547.